

Пешина Калиса Сергеевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
alisapeshina@yandex.ru

«РУБИНОВЫЙ» МОТИВ В ЛИРИКЕ Н.С. ГУМИЛЕВА

Статья посвящена одному из мотивов лирики Н.С. Гумилева – мотиву рубина. На материале некоторых стихотворений поэта выявляется совпадение значений рубина в них. Предпринимаются попытки уточнить свойства, приписываемые Н.С. Гумилевым рубину, а также выявить источник такого представления о драгоценном камне.

Ключевые слова: лирика Н.С. Гумилева, мотив, мотивный анализ поэтического текста, символика рубина.

В стихотворениях Н.С. Гумилёва «Русалка» (1904) и «Перстень» (1921), очевидно объединенных образами водной стихии и роковой красавицы, фигурируют рубиновые украшения и, по всей видимости, оказываются в системе каждого отдельного стихотворения более значительными, чем это может показаться на первый взгляд. Если добавить к этому ряду еще одно стихотворение – «Баллада» («Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...», 1918), – являющееся повтором фрагмента более раннего произведения («Сказка о королях», 1903–1905), где автором отбирается как наиболее заслуживающий внимания именно сюжет о дарении «золотого с рубином кольца», то значимость этого мотива станет очевидной. Попытаемся выяснить, какую роль поэт приписывает всем этим украшениям.

Наиболее темно значение рубинового перстня в одноименной балладе. По сюжету главная героиня – девушка – уронила перстень в колодец и просит его обитателей вернуть драгоценность:

– Возврати мой перстень, колодец,
В нем красный цейлонский рубин,
Что с ним будет делать народец
Тритонов и мокрых ундин? [Гумилев 1998–2007, Т. 4: 119].

Л.Я. Бобрицких, интерпретируя «Перстень» в рамках анализа фольклоризма в балладах Н.С. Гумилева, пишет со ссылкой на Дж. Фрэзера: «По народному поверью, потерять подаренное кольцо значило освободиться от духовных уз с дарителем. Перстень с цейлонским рубином подчеркивает символическое значение кольца как дара любви (считалось, что

рубин приносит счастье в любви и своей возлюбленной, чтобы любовь была взаимной, следовало дарить рубин)» [Бобрицких 2003]. Обратившись к первоисточнику, мы не нашли тех подробностей, на которые указывает в статье исследовательница, хотя и столкнулись с поверьями некоторых народов, действительно приписывающих кольцам магические свойства. Наряду с узлами и замками они считаются способными защитить от болезней и колдовства, а также удержат дух в теле: «...считается, что, препятствуя ее усилиям покинуть брэнную оболочку, кольцо оказывает на бессмертный дух стесняющее воздействие. Другими словами, кольца, как и узлы, действуют наподобие духовных пут. <...> То, что препятствует выходу души из тела, может, напротив, помешать злым духам войти в него. Поэтому кольца используются в качестве амулетов против демонов, ведьм и привидений» [Фрэзер 1983: 234–235]. Однако, как видим, именно рубиновое украшение никак не выделяется в ряду прочих.

В то же время ряд справочных изданий по символике действительно устойчиво соотносит рубин с любовью, страстями человека вообще, а также приписывает ему охранительные и целебные свойства. Некоторые из подобных представлений достаточно интересны, поэтому позволим себе привести развернутые цитаты: «Огонь, страстная любовь. Предохраняет от отравления и стихийных бедствий, помогает при малокровии и упадке сил. [Баешко 2007: 161]; «Один из наиболее почитаемых драгоценных камней; из-за своего красного цвета символически связывался с планетой Марс. <...> Хильдегард Бингенская (1098–1179) еще раньше писала: “По-всюду, где находится карбункул, демоны воздуха не в состоянии исполнить свое дьявольское дело... так этот камень подавляет в человеке все болезни”. Из-за своего красного цвета (цвета жизни) он часто считался средством от меланхолии и хандры, а также от плохих снов. <...> Он считался символом королевского достоинства, страстной любви и жизненной силы» [Бидерманн 1996: 227]; «Рубин – царственность, достоинство, рвение, сила, любовь, страсть, красота, долголетие, неуязвимость» [Купер 1995: 78].

Возможно, действительно перстень был преподнесен девушке как залог любви, неслучайно же она раз за разом ссылается на жениха, предлагая его в качестве жертвы за возвращение украшения. В то же время сама героиня явно расценивает этот предмет как-то иначе, ставя его выше всех других ценностей.

Добавляя к сравнению более раннее стихотворение Н.С. Гумилева «Русалка», мы, возможно, получим ответы на некоторые вопросы. Рубины фигурируют здесь в виде рубинового ожерелья заглавной героини:

На русалке горит ожерелье,
И рубины греховно-красны,

Это странно-печальные сны

Мирового, больного похмелья [Гумилев 1998–2007, Т. 1: 76].

У нас есть основания полагать, что русалка – персонаж нездешнего, потустороннего мира – может обладать неким скрытым, сакральным знанием, тайной, и в данном тексте, по всей видимости, именно этот атрибут – рубиновое ожерелье – является носителем, объективным воплощением этого знания. Значение рубина как символа страсти также вполне укладывается в традиционный образ «водной красавицы», но мы должны заметить, что, несмотря на общее сходство «водных красавиц» раннего Н.С. Гумилева с аналогичными образами К.Д. Бальмонта, рубиновое ожерелье является собственно гумилевским добавлением – индивидуально-авторской деталью. Любопытно также то, что рубин обычно ассоциируется со стихией огня, однако у Н.С. Гумилева является принадлежностью порождения воды.

В ряд сюжетов о рубиновом украшении мы можем включить также «Балладу» («Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...», 1918 г.) – похоже, именно это стихотворение Гумилева – первое, разрабатывающее рассматриваемый мотив. Вместе с тем данное произведение одновременно является наиболее проанализированным литературоведами, обратимся к комментариям к этому стихотворению. Подаренное Люцифером кольцо обычно интерпретируется исследователями как творческий дар, о самом сюжете говорится так: «Эпизод с дарением кольца, обладающего чудесными (прежде всего гностическими) свойствами, но приносящего, в конце концов, гибель владельцу, широко распространен в различных мифологических системах. Наиболее актуальной в контексте ПК [Пути конкистадора] является германо-скандинавская мифология (послужившая материалом для сюжета «Кольца Нибелунгов» Р. Вагнера). Речь идет о кольце, которое бог Локи (связываемый в христианской интерпретации с Люцифером) отобрал у карлика Андвари и которое тот проклял. Кольцо это впоследствии досталось Сигурду. Возможно, помимо того, что этот мотив контаминируется с атрибутикой бога Одина – кольцом Драупнир, порождающим себе подобных. Рубин считался камнем солнца» [Гумилев 1998–2006, Т. 1: 357] и далее: «Подарок Люцифера (“золотое с рубином кольцо”) может оказаться и божественным даром, и сатанинским искусом (традиционная для творчества Н.С. Гумилева постановка проблемы: от Бога или от дьявола дается творческий дар)» [Гумилев 1998–2006, Т. 4: 239]. «Золотое с рубином кольцо» отнесено также к «т.н. постоянным образам, используемым Гумилевым» [Гумилев 1998–2006, Т. 1: 357], значит, мы не ошибаемся, расценивая этот мотив как существенный для понимания поэтического мира Н.С. Гумилева.

Гностическими свойствами, по нашему мнению, обладают и рубины в ожерелье русалки. Похоже, что потеря перстня также провоцирует некое «прозрение» девушки. Таким образом, во всех трех текстах обладание рубиновым украшением (перстнем или ожерельем) связывается Н.С. Гумилевым с обладанием некоей тайной, сакральным знанием.

Другие стихотворения Н.С. Гумилева, где так или иначе присутствуют рубины, также поддерживают нашу гипотезу. Первичный поиск в поэтическом подкорпусе НКРЯ (Национального корпуса русского языка) показал, что рубин встречается в 10 стихотворениях Н.С. Гумилева и почти никогда его значение не исчерпывается буквальным обозначением драгоценного камня. Не приводя все контексты, остановимся на наиболее значимых для нас стихотворениях: «Заклинание» (1907) и «Поэт ленив, хоть лебединый...» (1920):

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил нездешние слова,
Перед ней, царицей беззаконий,
Расточал рубины волшебства [Гумилев 1998–2006, Т. 1: 118].

Поэт ленив, хоть лебединый
В его душе не меркнет день,
Алмазы, яхонты, рубины
Стихов ему рассыпать лень [Гумилев 1998–2006, Т. 4: 105].

Как видим, Н.С. Гумилев в этих произведениях напрямую соотносит драгоценный камень – рубин – и некоторый творческий процесс или, точнее, его результат. По всей видимости «волшебство» в поэтическом мире Н.С. Гумилева близко поэзии, «стихам», так что мы можем объединить эти понятия.

При дальнейших разысканиях нам удалось обнаружить еще круг текстов, где фигурируют рубины. Из этих стихотворений складывается несколько иной комплекс представлений, связанных, главным образом, с некоторыми экзотическими странами. Так, в стихотворении «Конквистадор» (1915) речь идет о мифической стране Эльдорадо, где, как пишет Н.С. Гумилев, «алых рубинов / Возносятся горы» [Гумилев 1998–2006, Т. 3: 90]. Другое произведение изображает Африку, и рубин воплощает одно из расположенных там государств: «Снизу слева кровавые лягут рубины / Это край металлических страннх богов» [Гумилев 1998–2006, Т. 4: 49]. Не исключая, безусловно, прямого предметного значения слова в данных случаях, мы все же считаем рубин здесь не лишенным мистической окраски, поскольку и Эльдорадо, и, конечно, Африка говорят о возможности

такой интерпретации. Н.А. Богомолов указывает, что стремление Н.С. Гумилева в Африку может трактоваться в том числе в связи с представлением о ней как о континенте, «где неисследованные области таят в себе не просто богатства, могущие принести славу и почести, но и некие откровения <...> если не явно мистического свойства, то, во всяком случае, явственно выходящие за пределы современного научного знания» [Богомолов 2000: 116]. Любопытен также один из коллективных текстов, написанный, как считается под руководством и при участии Гумилева – «Дочь змия» (1921) – где мы встречаем «священный рубин» («Питаюсь высокостоящей луною, / Священный рубин еженощно растет») [Гумилев 1998–2006, Т. 4: 148].

Очевидно, что и в раннем, и в позднем творчестве Н.С. Гумилев одинаково осознает рубин как нечто, способное передавать (или обозначать, содержать) некий текст, результат творческого процесса, обладающий, по всей видимости, магическими свойствами. Обладание рубином (или рубиновым украшением, что равнозначно) в таком контексте может означать обладание талантом к словесному творчеству (магии) или обладание некоей тайной. Источник таких представлений поэта пока не установлен. Возможно, приписывание рубину сверхъестественных, магических свойств связано с увлечением Н.С. Гумилева оккультными практиками; известно, что они входили в круг его интересов. Вероятно, изучение эзотерической литературы, имевшей хождение в тот период в кругу Н.С. Гумилева, сможет пролить свет на происхождение «рубинового» мотива в творчестве поэта.

Библиографический список

- Башко Л.С., Гордиенко А.Н., Гордиенко А.Н. Энциклопедия символов. М.: Эксмо, 2007. 304 с.
- Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.
- Бобрицких Л.Я. Фольклоризм баллад Н. Гумилева. URL: <https://gumilev.ru/about/163/> (дата обращения: 06.06.2017).
- Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 560 с.
- Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 тт. М.: Воскресение, 1998–2007. Т.1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). 502 с.; Т.3. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). 464 с.; Т.4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921). 394 с.
- Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Изд-во Ассоциации Духовного Единения «Золотой век», 1995. 403 с.
- Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М.: Издательство политической литературы, 1983. 703 с.

K.S. Peshina

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

“RUBY” MOTIVE IN N.S. GUMILYOV’S POETRY

The article is about one of N.S. Gumilyov’s poetry motives – “ruby” motive. Discovering similarity in the meaning of ruby in some Gumilyov’s poems we try to clarify it and find a source of such ideas.

Key words: symbolism of ruby, N.S. Gumilyov’s poetry, motive, motive analysis of the poetic text